

НОВАЯ

ISSN 0130-3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА РГНФ ЧЛЕН-КОРР. РАН Ю.Л. ВОРОТНИКОВ О
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА ПО ПОДДЕРЖКЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ**

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МГИМО ЗА 60 лет

КНИГОИЗДАНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ К НАЧАЛУ XXI в.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XX в.

**ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА Л.Г. ИВАШОВА
О КОСОВСКОМ КРИЗИСЕ 1999 г. И БРОСКЕ
НА ПРИШТИНУ**

**К ИСТОРИИ ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ В 1950 г.**

**НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ. ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ
ЗАПИСЕЙ А.С. ЧЕРНЯЕВА**

**АМЕРИКАНСКИЙ ДИПЛОМАТ О ВЫСАДКЕ
СОЮЗНЫХ ВОЙСК В НОРМАНДИИ
РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ГЕРМАНСКОЕ
ВООРУЖЕННО-МОРСКОЕ ВЕДОМСТВО**

**МОНАРХИЯ И ОБЩЕСТВО: ВЗГЛЯДЫ
ФРАНЦУЗСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XVIII в.**

**РЕНЕССАНСНАЯ ИТАЛИЯ В ВОСПРИЯТИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

5

2004

НОВАЯ
И
НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Член.-корр. РАН Воротников Ю.Л. Деятельность Российского гуманитарного научного фонда по поддержке историко-филологических наук и искусствоведения.....	3
Мельвил А.Ю. Научные исследования в МГИМО за 60 лет.....	13
Васильев В.И. Книгоиздание в годы Великой Отечественной войны.....	33
Резина Л.П. Историческая память и современная историография.....	39
Шильов С.П. Русско-японская война 1904–1905 годов и германское военно-морское ведомство.....	52
Кущёва М.В. Монархия и общество: взгляды французских мыслителей. 1715–1748 годы....	69

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

Общее собрание Отделения историко-филологических наук РАН.....	85
--	----

ВОСПОМИНАНИЯ

Ивашов Л.Г. Косовский кризис 1999 года. Бросок на Приштину.....	87
--	----

ПУБЛИКАЦИИ

Черняев А.С. На Старой площади. Из дневниковых записей.....	115
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Бородкин Л.И., Петров Ю.А. Экономическая история к началу XXI века: итоги XIII Международного конгресса по экономической истории.....	138
Международная конференция "К 60-летию высадки союзников в Нормандии".....	148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Согрин В.В. История исторической мысли XX века.....	153
Косач Г.Г. Новые документы АВП РФ по истории ближневосточного конфликта. 1947–1967.....	160

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Карлбек Х. (Швеция). Гендер и модернизация. Брачное законодательство северных стран и Советской России в 1920-е годы.....	170
--	-----

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

- Илизаров Б.С.** К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году 179
Кудрявцев О.Ф. "Умри, Флоренция, Иуда": ренессансная Италия в восприятии русской культуры 214

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

- Соколовская О.В.** Благотворительная деятельность греческой королевы Ольги в России в годы первой мировой войны 223

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

- Якунин В.Н.** Русская православная церковь в Японии в 1941–1946 годах 234
Мухин М.Ю. Советский авиазавод в Синьцзяне. 1930–1940-е годы 236

РЕЦЕНЗИИ

- Сакун О.Ф.** Дипломатия зарубежных государств. Учебное пособие. М., 2004 240
Наринский М.М. Ю.В. Дубинин. Время перемен. Записки посла в США. М., 2003 241
Балезин А.С. Коминтерн и Африка. Документы. СПб., 2003; Южная Африка и Коммунистический Интернационал. Исторические документы, т. 1–2. Лондон, 2003 244
Корзун В.П. М.Е. Главацкий. "Философский пароход". Год 1922-й: исторические этюды. Екатеринбург, 2002 245
Исламов Т.М. Х. Лайдингер, В. Мориц, Б. Шипплер. Черная книга Габсбургов. Неславная история одного царствующего дома. С предварительными замечаниями Герхарда Ягшица и Карла Воцелки. Вена–Франкфурт-на-Майне, 2003 247
Гликин А.Н. Н.С. Константинова. Страна карнавала. Несколько эссе о бразильской культуре. М., 2003 250
Комолова Н.П. Хождение во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре. Из века XIX в век XXI. М., 2003 252
Чудинов А.В. А.В. Гладышев. Миры К.-А. Сен-Симона. От Старого порядка к Реставрации. Саратов, 2003 255
Блосфельд Е.Г. М.П. Айзенштат. Великобритания нового времени. Политическая история. М., 2002 257

КОРОТКО О КНИГАХ

- Керов В.Л.** Ю.Е. Ивоин. Международные отношения в Западной и Центральной Европе XVI в. Очерки. Смоленск, 2001 260
Сиротинская М.М. Н.А. Краснов. США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. М., 2000 261
Михайленко В.И. (Екатеринбург). М.Д. Эрли. 1939. Альянс, которого никогда не было, и начало второй мировой войны. Чикаго, 2000 266

ЮБИЛЕИ

- Юбилей А.А. Сванидзе 265
Юбилей В.И. Уколовой 265
А.С. Орлову – 80 лет 266
Б.Г. Могильницкому – 75 лет 268
А.В. Давидсону – 75 лет 269

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

В.А. Виноградов, В.Н. Виноградов, В.Д. Вознесенский (ответственный секретарь),
Т.М. Исламов, Н.П. Калмыков, В.Н. Малов, И.И. Орлик, А.В. Пыжиков,
А.В. Ревякин, Л.П. Репина, В.В. Рогинский, В.С. Рыкин,
Н.И. Смоленский, В.В. Согрин, С.Л. Тихвинский,
Е.И. Тряпичин (зам. главного редактора), **А.О. Чубарьян, Е.Ф. Язков**

Адрес редакции: 119991, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26, тел. 238-08-74

© 2004 г

В.В. СОГРИН

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX века

Научная свобода, утвердившаяся в отечественной историографии, как и в других общественных науках, на волне демократических политических перемен, дала жизнь множеству новых подходов, позволила высказывать самые смелые и неожиданные взгляды и концепции. Но все ли из них оплодотворили историческую науку, все ли оказались в равной степени полезны для приближения к исторической истине? На мой взгляд, отнюдь нет. Более того, как представляется, подлинно творческих, глубоких научных трудов в последние полтора десятка лет создано не так уж и много, по крайней мере, меньше всевозможных наукообразных поделок или скороспелок, рассчитанных на сенсацию, завоевание успеха у неискушенных в исторической науке читателей, а то и просто на извлечение дохода с помощью массы неизвестных ранее коммерческих издательств, не брезгующих, в первую очередь ради собственного обогащения, низкопробных исторических брошюр, учебников, фолиантов, а то и многотомных сочинений. В этой ситуации для представителей научного исторического цеха крайне важно замечать и выделять в море исторической литературы подлинно новаторские труды, обогащающие и профессиональное, и массовое историческое сознание, привлекать к ним по возможности самое широкое внимание, доказывать, почему именно этим трудам не только научное сообщество, но и общество в целом должны отдавать предпочтение.

Именно к таким подлинно новаторским трудам без тени сомнения можно отнести два тома "Истории исторической мысли XX века", подготовленных профессором Б.Г. Могильницким, заведующим одной из исторических кафедр Томского государственного университета¹. Б.Г. Могильницкий – ученый именитый, он давно и прочно завоевал известность одного из наиболее глубоких исследователей в области методологии и истории исторической науки. Еще в 70–80-е годы прошлого века он возглавил томскую научную школу историографических исследований, включающую десятки квалифицированных специалистов. То, что было создано Б.Г. Могильницким и его последователями в советский период, при всех возможных на современном этапе оговорках и критических замечаниях, прочно вошло в научный арсенал отечественного историознания. Но наступил новый период, поставивший перед Б.Г. Могильницким, перед его учениками, перед всеми отечественными историками, новые задачи и представивший всем им новые исследовательские возможности. Разные историки воспользовались этими возможностями по разному, некоторые приравняли их к карт-бланш, решительно порвали с прежними теоретическими позициями и перешли на противоположные, а некоторые вообще доверились разрушительному для науки принципу

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений, главный редактор журнала "Общественные науки и современность" Российской академии наук.

¹ *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Курс лекций, вып. I. Кризис историзма; Томск, 2001; вып. II. Становление "новой исторической науки". Томск, 2003.

"все дозволено". Научный плюрализм стал порой граничить с хаосом, непримиримостью разных взглядов. В этом бурном историографическом потоке Б.Г. Могильницкий занял, как явствует из его последнего научного труда, собственную позицию, созвучную, впрочем, научной позиции ряда других отечественных исследователей, и именно эта позиция, на мой взгляд, может стать магистральной тенденцией плодотворного развития отечественной исторической науки. По этой причине она заслуживает пристального внимания.

Новый труд Б.Г. Могильницкого сопровождается подзаголовком "курс лекций". Однако он имеет лекционный характер только по форме изложения – легкой, часто изящной с литературной точки зрения, порой разговорной, делающей в результате работу доступной самому широкому читателю и, уж, безусловно всем представителям исторической профессии. Но по научной сути это истинно оригинальный исследовательский труд, основанный на профессиональном анализе десятков и десятков ведущих представителей исторической науки XX в. В основном это русские, французские, немецкие, английские, американские мэтры. Большинство трудов зарубежных историков прочитаны на языке оригинала, но некоторые доступны сегодня и на русском языке: в 1990-е годы – и за это спасибо появившейся в нашей стране политической свободе – были изданы труды Л. Февра, М. Блока, Ф. Броделя, Э. Карра, как и других светил мировой исторической мысли XX в. Б.Г. Могильницкий первым из отечественных специалистов осуществил исследование лидеров ведущих национальных исторических школ в одном монографическом труде. Одним из результатов его квалифицированного сравнительного анализа явилось то, что более полно и точно, нежели в работах, посвященных отдельно взятым национальным историографиям, выявлены своеобразие и оригинальный научный вклад каждого из рассмотренных историков.

Обратимся к методологическим подходам исследования Б.Г. Могильницкого. Одним из самых важных и вместе с тем сложных стало для него определение нового отношения к марксизму. Ученый признает и раскрывает ограничения, накладывавшиеся марксистско-ленинским учением на отечественную науку советского периода, но он последовательно отвергает попытки отказать марксизму в праве занимать свое место в теоретическом арсенале обществознания, обосновывая это право рядом аргументов. Один из весомых аргументов заключается в том, что позитивный вклад марксистской методологии признавали влиятельнейшие немарксистские авторы XX в., среди них М. Вебер, М. Блок и Ф. Бродель, а ряд видных мэтров современной исторической науки, например, Э. Хобсбаум, Э. Томпсон, И. Валлерстайн сами выступали с позиций марксистской методологии. Следовательно, и сегодня остается актуальной задача деления в марксизме "зерен от плевел".

Решая эту задачу, Б.Г. Могильницкий указывает на важность, среди прочего, выделения разных региональных и национальных направлений и школ марксистской исторической науки. В этом случае становится очевидным, что в XX в. развивались не только советская и восточноевропейская, но также западноевропейская, английская, американская, итальянская, французская, иные западные марксистские школы; между восточной и западной школами существовали и углублялись принципиальные различия, и недостатки одной из школ, в первую очередь советской, не могут автоматически переноситься на марксистскую историографию XX в. в целом. Одной из важнейших особенностей западной историографии второй половины XX в. явился решительный отказ от экономического редукционизма, характерного для догматического марксизма, признание важнейшей роли в истории фактора ментальностей, его всестороннее изучение, в связи с чем видным представителям западной марксистской историографии удалось занять ведущие места в мировой исторической науке в целом.

Признавая право марксистской методологии на место в методологическом арсенале исторической науки XX в., Б.Г. Могильницкий вместе с тем считает, что она не может быть научной монополией, что было характерно для советского обществознания. Марксистская методология занимает важное место в семье научных методологий XX в., но это только одно из мест, не умаляющих роли и других, немарксистских методоло-

гий, новое осмысление которых является одной из важнейших задач томского ученого. Исследуя их с новых позиций, Б.Г. Могильницкий приходит к принципиальному выводу о научной плодотворности не методологической монополии, а методологического плюрализма, проявляющегося в творческой конкуренции разных методологий, отсеивании несостоятельных, взаимообогащении и часто взаимодополняемости наиболее плодотворных.

Новый взгляд на немарксистские методологии позволил Б.Г. Могильницкому по новому осмыслить понятие историографического кризиса, занимавшего в работах советских авторов центральное место при рассмотрении зарубежной исторической науки. Как известно, советские авторы постулировали, во-первых, положение о перманентном кризисе зарубежной историографии и, во-вторых, трактовали этот кризис как неуклонный упадок научного качества. Б.Г. Могильницкий оспаривает оба этих положения. Отталкиваясь от наработок мирового обществензнания, он рассматривает научный кризис как многосоставное явление, включающее разложение уязвимой методологической парадигмы и расчистку пространства для более плодотворной парадигмы. Далее он выявляет в развитии мировой историографии как кризисные тенденции, заключавшиеся, помимо всего прочего, в распространении методологического скептицизма и отказе историографии в характерных признаках научной дисциплины, так и тенденции преодоления кризиса, заключавшиеся в позитивном обогащении и смене методологической парадигмы, что способствовало расширению познавательных возможностей и укреплению научного статуса историографии.

Подобный подход определяет тематическое различие между двумя томами работы: если первый том посвящен раскрытию кризисных явлений мировой исторической мысли XX в., то во втором раскрывается феномен преодоления кризиса в зарубежной историографии в XX в. Соглашусь – это совершенно необычная, по меркам советской историографии, концепция. Б.Г. Могильницкий не только выдвинул ее, но, на мой взгляд, дал ей фундаментальное научное обоснование, приведя в ее подтверждение множество весомых аргументов, фактов, теоретических выкладок. После выхода его труда именно эта новая концепция, как представляется, имеет основание стать главенствующей в нашем отношении к эволюции мировой исторической мысли XX в. По крайней мере, я бы рекомендовал ее в качестве основополагающей для преподавания курса по историографии XX в. в высших учебных заведениях.

Одной из привлекательных научных черт нового труда Б.Г. Могильницкого является стремление к объективной сбалансированной позиции в отношении всех рассматриваемых им представителей мировой исторической мысли – как тех, кто способствовал преодолению кризисных явлений, так и тех, с чьими именами традиционно связывают их укоренение. В конечном итоге все они вошли в классический фонд мировой исторической мысли, и задача объективного исследования, с которой справляется Б.Г. Могильницкий, заключается в том, чтобы понять самому и объяснить читателю, почему в классики попали люди, стоявшие на противоположных методологических и теоретических позициях, что мировая наука взяла от тех и от других, как могут относиться к наследию тех и других современные историки. Подобный диалектический подход не прост для восприятия, но именно он побуждает и воспитывает у читателя адекватное постижение многоцветья, противоречивости и глубины исторической мысли XX в.

Среди главных фигур первого тома достаточно много уже хорошо известных нам ученых, но каждому из них Б.Г. Могильницкий дает оригинальные оценки, основанные на разностороннем и скрупулезно выверенном соотнесении разных сторон их концепций. Одними из разрушителей классической и оптимистической для исторической науки оценки ее научных качеств, познавательных возможностей и общественного статуса были, как известно, В. Дильтей, В. Виндельбанд и Г. Рикерт. Б.Г. Могильницкий точно и полно, но без каких либо уничижительных эпитетов, характерных для традиционной отечественной критики, анализирует как причины, так и характерные черты их концепций. И уже занимая радикально отличную от этой кри-

тики позицию, он раскрывает не только недостатки, но и позитивные начала неокантианского ревизионизма. Они заключались в обретении исторической наукой собственной эпистемологии, и именно из неокантианской эпистемологической рефлексии выросла методология истории как самостоятельная научная и учебная дисциплина, изучающая природу и методы исторического познания. Благодаря неокантианскому эпистемологическому прорыву, историческая наука обратилась к изучению и совершенствованию своего понятийного аппарата, своих познавательных возможностей, способов и приемов их реализации (вып. I, с. 59).

С особой щепетильностью Б.Г. Могильницкий анализирует методологические и теоретические взгляды М. Вебера, который, как известно, в идейных дискуссиях XX в. рассматривался в качестве едва ли не главного гуру немарксистского обществознания и подвергся яростным, но, по большей части, необъективным и несправедливым атакам со стороны советских обществоведов. Б.Г. Могильницкий развивает подходы тех современных отечественных ученых, которые заняли позицию преодоления несправедливой односторонности в отношении знаменитого немецкого социолога и историка. Обращаясь, пожалуй, к самому известному веберовскому учению – об идеальном типе – он указывает, что критики Вебера "ставили точку там, где он сам в своих рассуждениях ставил лишь запятую" (вып. I, с. 66). Действительно, Вебер, оставаясь в рамках неокантианства, одновременно преодолевал его крайности, рассматривал общие понятия не только как идеальные, но и как типические, которые конструируются не произвольно, а путем, по определению Вебера, "мыслительного усиления определенных элементов действительности".

В связи с этим Б.Г. Могильницкий отказывается возводить китайскую стену между Вебером и Марксом, доказывая, что каждый из них разрабатывал типологические категории, применимые к познанию реальной действительности, и в этом смысле концепции двух мыслителей могут рассматриваться как дополняющие друг друга. Но между ними было и принципиальное различие. Если идеально-типологические категории Вебера выступают как чисто мыслительная конструкция – средство познания действительности, то марксовы категории, среди них и широко известная категория общественно-экономической формации, с точки зрения их ортодоксальных защитников, равнозначны самой реальности и обретают характер непреложной истины. По заключению автора, веберовской концепции присущи как достоинства, так и недостатки, но они обнаруживаются им и в марксистской теории: "Марксизм неизмеримо обогатил историческое познание, но именно такое понимание истины ставило предел его позитивному влиянию на историческую мысль, вело к догматизации истории, утрате ею живых красок, того многообразия, которое открывается только при использовании различных подходов к ее рассмотрению" (вып. I, с. 68).

В первом томе предлагается не только новое осмысление кризисных тенденций западной исторической мысли XX в., но и переосмысление взглядов крупных выразителей русской исторической мысли, также зачислившихся в советский период в ряды ретроградов, а то и реакционеров. Первым среди этих историков рассматривается Н.Я. Данилевский, творчество которого принадлежит второй половине XIX в., но оказало влияние на историческую мысль XX в., а на современном этапе, как известно, стало предметом острых дебатов между отечественными "западниками" и "почвенниками". Современные дискуссии вокруг Данилевского, его апологетика со стороны национал-патриотов и неприятие со стороны либералов обусловлены политическими взглядами известного историка и философа. Б.Г. Могильницкий уделяет им должное внимание и дает в связи с этим нелицеприятную жесткую характеристику Данилевскому – "идеолог русского самодержавия и панславизма, глашатай мифической славянской цивилизации" (вып. I, с. 48). Но для него это только одна ипостась Данилевского, другая же ипостась, заслуживающая иных оценок, это новаторские научные взгляды Данилевского, которым уделено наибольшее внимание. Проанализировав их, Б.Г. Могильницкий дает им высокую позитивную оценку – учение Данилевского о культурно-исторических типах нанесло сокрушительный удар по идее прогресса в его

европоцентристской форме и во многом предвосхитило цивилизационные теории XX в., которые рассматриваются Б.Г. Могильницким уже на примере по преимуществу западных ученых, в первую очередь О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби.

Подход, избранный в отношении Данилевского, последовательно выдерживается и в отношении русских историков евразийской школы, относящейся уже собственно к XX в. и также вызывающей острые споры в современной политической и исторической мысли. Б.Г. Могильницкий разделяет и характеризует по разному две стороны евразийцев – их уязвимые исторические концепции (идеализация московского периода русской истории, категорическое неприятие петербургского периода и др.) и плодотворную научную постановку ими вопроса о туранском истоке российской государственности и, более широко, русского национального характера или, говоря современным языком, российской ментальности.

С большим интересом читается глава, посвященная одной из самых спорных, а на современном этапе одной из самых популярных фигур русской историсофской мысли XX в. – Н.А. Бердяеву. Удачно разведены и проанализированы взаимоисключающие бердяевские оценки русской революции – с одной стороны, Бердяев был ее решительным противником, осуждал жестокость, "моральное уродство большевиков", но, с другой стороны, он же доказывал, что "революция октябрьская и есть настоящая народная революция в ее полном проявлении". Такие оценки, по справедливому, на мой взгляд, заключению Б.Г. Могильницкого, объясняются уже не столько противоречивостью мышления Бердяева, сколько драматизмом и противоречивостью самой русской истории. Бердяев смог понять эту противоречивость, и по этой причине его оценки, например, В.И. Ленина, в котором Бердяев видел продукт самой русской истории, выглядят куда как более точными и глубокими, нежели оценки ряда современных публицистов, их примитивные обвинения Ленина в "маниакальном властолюбии и жестокости" (вып. I. с. 103).

Второй том работы Б.Г. Могильницкого, посвященный тенденциям преодоления кризиса исторической науки XX в., открывается объемными главами о знаменитой французской школе "Анналов". Отечественные историки неоднократно обращались к ее освещению, но, на мой взгляд, Б.Г. Могильницкому удалось добиться наибольшей точности и ясности в анализе и изложении как позиций школы в целом, так концепций ее мэтров – М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя. Шаг за шагом, глубоко и разносторонне раскрывает он научный вклад историографического направления, которое после его возникновения в 1929 г. на протяжении нескольких десятилетий являлось единственной на Западе школой, противостоявшей релятивистско-презентистскому отрицанию способности истории давать научное знание о прошлом.

Вот как определены главные составляющие этого научного вклада: 1) "Анналы" отвергли неокантианское разделение наук на индивидуализирующие (в этот ущербный ряд в первую очередь попадала история) и генерализирующие, равно как и фактографический метод в истории. Лидеры школы обратились к разработке методологических основ "новой исторической науки", основу которой составил междисциплинарный подход, вобравший теоретические достижения социологии, политологии, антропологии, географии, демографии, как и других наук. Синтетическая междисциплинарная методология позволила истории вновь занять почетное, а в ряде отношений лидирующее место среди наук об обществе; 2) заимствуя методологические приемы общественных наук, представители школы "Анналов" вместе с тем пытались последовательно преодолевать характерное для некоторых из них (в первую очередь социологии и политологии) пренебрежение ролью человеческого фактора. Изучение последнего было выдвинуто ими на одно из центральных мест, он изучался с новаторских позиций, в частности важнейшее место было уделено исследованию ментальности, которая с легкой руки мэтров "Анналов" стала на многие годы одним из самых модных объектов исторических исследований в западных странах; 3) "частным историям" (политической, экономической, религиозной, истории культуры и т.д.), господствовавшим в исторической науке, основатели школы "Анналов" проти-

вопоставили "тотальную историю", изучающую прошлую действительность во всех составляющих ее элементах.

Наиболее обстоятельно Б.Г. Могильницкий рассмотрел реализацию этих подходов в классических исследованиях школы "Анналов", таких, например, как "Феодальное общество" М. Блока и "Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв." Ф. Броделя. Во всех случаях разбор этих работ осуществляется лапидарно, но вместе с тем исчерпывающе в отношении главных компонентов, четко и предельно ясно. Работа Б.Г. Могильницкого, на мой взгляд, может быть рекомендована как лучший путеводитель по научному наследию мэтров "Анналов" для тех, кто не в состоянии осилить десятков томов их фундаментальных исследований прошлого Франции и всего человечества.

С новых позиций Б.Г. Могильницкий освещает неопозитивизм (известен также как логический позитивизм), одно из главных методологических направлений зарубежной историографии начиная с 1960-х годов. В советский период этому направлению давались исключительно негативные оценки. Б.Г. Могильницкий раскрывает в нем те стороны, которые советская историографическая критика предпочитала вообще не замечать. Вот как определяются им эти стороны: в историографической ситуации, характеризовавшейся господством неокантианского идеографизма, неопозитивистская мысль, в частности одна из ее самых известных теорий, получившая название теории "охватывающего закона", акцентировала генерализирующую природу исторического познания, настаивала на существовании общих законов в истории, привлекала внимание к необходимости анализа в их свете тех обобщений, которыми пользовались историки в своей работе, даже если они этого сами не осознавали.

Анализ Б.Г. Могильницким неопозитивизма является в его исследовании, пожалуй, самым оригинальным и неожиданным, и, как я полагаю, вызовет наибольшие споры. Но какие бы контраргументы не выдвигали его оппоненты, они не могут проигнорировать тот богатый фактический материал и аргументацию, которые привлечены в работе в пользу нового взгляда. Б.Г. Могильницкий проанализировал труды не только мэтров неопозитивизма, в первую очередь К. Поппера, но и работы многих менее известных его представителей, публиковавшихся часто в журнале "История и теория", который издавался в США, но по сути превратился в авторитетную международную трибуну теоретической мысли в области исторического познания.

Специальный раздел второго тома посвящен знаменитому английскому историку Э. Карру, который в третьей четверти XX в. проявил себя одним из самых блистательных критиков неокантианства. Достаточно назвать его работу "Что такое история?", которая, на мой взгляд, и сегодня может быть настольной книгой для всех, кто хочет постичь как азы, так и глубины исторической профессии. Карр посвящает свои труды реабилитации таких понятий, как историческая закономерность, прогресс и многих других. Восстанавливая их права гражданства в исторической науке, Карр, как показано в книге Б.Г. Могильницкого, внес в их трактовку важные изменения и нюансы, которые отразили перипетии исторического знания XX в.

Специальный раздел отведен характеристике того течения западной исторической мысли 1960–1970-х годов, с которым связан феномен "ренессанса марксизма" в западной историографии. Марксистский метод приобрел популярность в тот период как альтернатива господствовавшим в западной историографии релятивизму и субъективизму, но это вряд ли произошло, если бы западные историки, выступившие от имени марксизма, не произвели его серьезной модификации, в первую очередь не соединили с достижениями передовых направлений немарксистской историографии, например, школы "Анналов". Марксизм в тот период получил распространение во многих странах, в том числе (о чем в книге Б.Г. Могильницкого говорится, к сожалению, очень мало) и в общественных науках США, лидера западной цивилизации и главного идейного противника марксизма. Б.Г. Могильницкий рассматривает взлет популярности марксизма в западной историографии на примере Англии, что следует считать вполне оправданным: именно эта страна дала наиболее ярких выразителей марксистского

подхода в западной исторической науке, среди которых в первую очередь должны быть названы Э. Томпсон, Э. Хобсбоум, Дж. Рюде, К. Хилл, Р. Хилтон, А.Л. Мортон.

Эти историки совместно с близкими им по взглядам немарксистскими учеными создали журнал "Паст энд Презент", который быстро приобрел широкую известность, а по своему влиянию стал сопоставим с французскими "Анналами". Журнал последовательно боролся против агностицизма, иррационализма и субъективизма в историческом познании, декларировал наличие каузальности и закономерности и вместе с тем несводимость исторических законов к физическим, биологическим и психологическим. Он ратовал за междисциплинарный подход, но предупреждал об опасности механического заимствования исторической наукой методов других гуманитарных и социальных дисциплин, декларировал приверженность историческому синтезу и "тотальной истории". На его страницах разворачивались острые дискуссии, в которых принимали участие ученые из разных стран, по коренным проблемам как теории исторического познания, так и европейской истории средних веков и нового времени. Ведущие авторы журнала выдвинулись на ведущую позицию и в английской историографии в целом, заложив своими исследованиями основополагающие тенденции "новой исторической науки". В целом, как показано во втором томе труда Б.Г. Могильницкого, кризис зарубежной исторической науки в XX в. отнюдь не носил глобального и перманентного характера, как утверждала советская историографическая критика, напротив, ему противостояли мощные антикризисные тенденции, породившие целый ряд передовых научных школ, поднявших мировую историческую науку в целом на новый, более высокий качественный уровень.

Б.Г. Могильницкий доводит свое исследование до последней четверти XX в. Этому периоду планируется посвятить отдельный том. Но и без него новый труд маститого историографа выглядит впечатляюще, создавая цельное, объемное, разностороннее представление о главных тенденциях исторической мысли ушедшего века. В нем даны глубокие, взвешенные, часто яркие и изящные оценки ведущих историков, научных школ и направлений XX в. Возможно, с ними согласятся не все, но и несогласные с суждениями и интерпретациями Б.Г. Могильницкого, на мой взгляд, извлекут из его труда большую для себя пользу. Этот в высшей степени квалифицированный труд дает точное объективное изложение сущности и важнейших особенностей методологических позиций, концепций рассматриваемых историков, также как и содержания их наиболее весомых исследований.

Значение новой работы Б.Г. Могильницкого, на мой взгляд, не ограничивается одним раскрытием содержания исторической мысли XX в. Она побуждает к осмыслению состояния отечественной исторической науки в свете тенденций, кризисных явлений и достижений мировой историографии. Представляется, что при их сравнении как минимум две проблемы могут быть выделены для отечественной историографии в качестве крайне актуальных. Во-первых, это проблема эпистемологического образования наших историков. По сути, этот наиважнейший предмет в качестве самостоятельного отсутствует в системе отечественного высшего исторического образования. Во-вторых, это проблема овладения отечественными историками методами междисциплинарных исследований. Решение этой проблемы до недавнего времени осложнялось неразвитостью, принижением состоянием отечественных школ социологии, политологии, других важных социальных дисциплин, но на современном этапе они раскрепостились, наращивают свой теоретический и методологический потенциал, подравниваются под мировой уровень, что создает возможности для более успешного укоренения междисциплинарной методологии и в исторической науке. Эти возможности не должны быть упущены отечественной историографией.